

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Окончание

OCR Pirat, июль 2004 г.

Вычитка и правка: В. Есаулов, июль 2004 г., Александр Македонски, май 2007 г.

XV. СЕСТРИЦЫНЫ ЖЕНИХИ. - СТРИЖЕНЫЙ

Сестрица Надина была старшею в нашей семье. Ее нельзя было назвать красивою; справедливее говоря, она была даже дурна собою. Рыхлая, с старообразным лицом, лишенным живых красок, с мягким, мясистым носом, словно смятый башмак, выступавшим вперед, и большими серыми глазами, смотревшими неласково, она не могла производить впечатления на мужчин.

Только рост у нее был хороший, и она гордилась этим, но матушка справедливо ей замечала: "На одном росте, матушка, недалеко уедешь". Матушка страстно любила своего первенца-дочь, и отсутствие красоты очень ее заботило. В особенности вредило сестре сравнение с матушкой, которая, несмотря на то, что ей шло уж под сорок и что хозяйственная сутолока наложила на нее свою руку, все еще сохранила следы замечательной красоты. Сестра знала это и страдала. Иногда она даже очень грубо выражала матушке свое нетерпение по этому поводу.

- Вы всё около меня торчите! - говорила она, - не вам выходить замуж, а мне.

- Не могу же я оставить тебя одну, - оправдывалась матушка.

- Попробуйте!

Зато сестру одевали как куколку и приготавливали богатое приданое.

Старались делать последнее так, чтоб все знали, что в таком-то доме есть богатая невеста. Кроме того, матушка во всеуслышанье объявляла, что за дочерью триста незаложенных душ и надежды в будущем.

- Умрем, ничего с собою не унесем, - говорила она, - пока с нее довольно, а потом, если зять будет ласков, то и еще наградим.

Как уж я сказал выше, матушка очень скоро убедилась, что на балах да на вечерах любимица ее жениха себе не добудет и что успеха в этом смысле можно достигнуть только с помощью экстраординарных средств. К ним она и прибегла.

И вот наш дом наполнился свахами. Между ними на первом плане выступала Авдотья Гавриловна Мутовкина, старуха лет шестидесяти, которая еще матушку в свое время высватала. На нее матушка особенно надеялась, хотя она более вращалась в купеческой среде и, по преклонности лет, уж не обладала надлежащим проворством. Были и сваты, хотя для мужчин это ремесло считалось несколько зазорным. Из числа последних мне в особенности памятен сват Родивоныч, низенький, плюгавенький старик, с большим сизым носом, из которого вылезал целый пук жестких волос. Он сватал все, что угодно: и имения, и дома, и вещи, и женихов, а кроме того, и поручения всевозможные (а в том числе и зазорные) исполнял. С первого же взгляда на его лицо было очевидно, что у него постоянного занятия нет, что, впрочем, он и сам подтверждал, говоря:

- Настоящей жизни не имею; так кой около чего колочусь! Вы покличете, другой покличет, а я и вот он-он! С месяц назад, один купец говорит:

"Слетай, Родивоныч, за меня пешком к Троице помолиться; пообещал я, да недосуг..." Что ж, отчего не сходить - сходил! Без обману все шестьдесят верст на своих на двоих оттрапировал!

Или:

- А однажды вот какое истинное происшествие со мной было. Зазвал меня один купец вместе купаться, да и заставил нырять. Вцепился в меня посередь реки, взял за волосы да и пригибает. Раз окунул, другой, третий... у меня даже зеленые круги в глазах пошли... Спасибо, однако, синюю бумажку потом выкинул!

Матушка так и покатывалась со смеху, слушая эти рассказы, и я даже думаю, что его принимали у нас не столько для "дела", сколько ради "истинных происшествий", с ним случавшихся.